

Содержание

I. В Швейцарии	3
II. Институт исторических машин	36
III. В пути	213
IV. Осмотр на месте	247

ПРИЛОЖЕНИЕ

Толковый земляно-землянский словарь люзанских и курдяндских выражений, обиходных и синтуральных (см.: Синтура)	394
«Осмотр на месте»	
Послесловие к Послесловию	402
К истории возникновения романа «Осмотр на месте»	404

1. В Швейцарии

Приземлившись на мысе Канаверал, я отдал корабль в ремонт и начал думать о даче. После столь долгого путешествия мне полагался отдых. Земля кажется точкой только из космоса, после посадки оказывается, что она довольно обширна. А для хорошего отдыха мало красивых видов — необходима еще надлежащая осторожность. Поэтому я поехал к кузену профессора Тарантоги, который имеет разумную привычку читать газеты не сразу, а несколько недель погодя, когда они отлежатся. Я предпочел выбирать курорт у знакомого, чем в какой-нибудь публичной библиотеке. Пересекать магнитные поля Галактики — это не фунт изюму. Кости ноют уже порядочно. К тому же дает о себе знать колено, которое я вывихнул в Гималаях, в альпинистском лагере, когда алюминиевый табурет подо мной подломился. Лучшее средство от ревматизма — это чтобы было посуше и погорячее, разумеется, в климатическом, а не в военном смысле. Ближний Восток, как обычно, не входил в расчет. Арабы по-прежнему демонстрируют миру слоеный пирог, в котором их государства сливаются, делятся, мирятся и дерутся

Wizja lokalna, 1982. © Перевод. К. Душенко, 1990

между собой по тысяче разных причин, которых я даже не пробую уразуметь. Южные, солнечные склоны Альп были бы в самый раз, но туда уже не ступит моя нога с тех пор, как меня похитили в Турине в качестве дочери герцога ди Кавалли, а может, ди Пьедимонте. Это так до конца и не выяснилось. Я приехал на астронавтический конгресс, сессия закончилась после полуночи, назавтра надо было лететь в Сантьяго, я заблудился в городе, не смог отыскать гостиницу и въехал в какую-то подземную автостоянку, чтобы вздремнуть хотя бы в машине. Единственное свободное место было, правда, огорожено разноцветными лентами, кажется, в честь того, что дочка герцога была с кем-то обвенчана, но я ничего об этом не знал, а впрочем, какое это имело значение в час ночи. Сперва мне засунули в рот кляп и связали, потом упаковали в кофр, машину вывели на улицу, погрузили на большой прицеп для перевозки автомобилей и повезли в свое убежище. Я, правда, мужчина, но теперь пол с ходу не определишь, бороды я не ношу, отличаюсь незаурядной красотой — словом, они вытащили меня из багажника у подножия великолепной горной гряды и провели в одиноко стоявший домик. Стерegli меня двое верзил, на смену; за окном — альпийские снега, но, разумеется, позагорать не пришлось, куда там. Со смуглым усачом я играл в шашки — для шахмат он был туповат, а второй, без усов, зато с бородой, имел несносную привычку называть меня антрекотом. Это был намек на мою судьбу в случае, если герцог с супругой не заплатят выкупа. Они уже знали, что я ничего общего не имею с семейством ди Кавалли — или ди Пьедимонте, — но

это вовсе не сбило их с толку, ведь суррогатное похищение стало делом обычным. Перед тем уже было несколько случаев увоза не тех детишек, что намечались, и родители надлежащих детей помогли немущим. Потом это распространилось и на совершеннолетних. Немцы называют это *Erzatzentführung*, а они в таких делах доки. На беду, когда очередь дошла до меня, эрзац-похищений стало слишком уж много, сердца богачей очерствели, и никто не давал за меня даже ломаного гроша. Пробовали что-нибудь выторговать в Ватикане, церковь, как известно, милосердствует профессионально, но дело тянулось ужасно долго. Целый месяц я вынужден был играть в шашки и выслушивать гастрономические угрозы субъекта, который к тому же невыносимо потел и только гоготал, когда я просил его принять душ: ведь в доме есть ванная, а спину я ему сам намылю. В конце концов и церковь не оправдала надежд. Я присутствовал при их ссоре, они чуть не передрались, одни кричали «резать», вторые — за загривок, мол, герцогинину дочку, и вон со двора.

Герцогининой дочкой уперся называть меня тот, смуглый. У него на темени был жировик, и мне все время приходилось его разглядывать. Ел я, понятно, то же, что и они, с той лишь разницей, что они облизывали пальчики после макарон на оливковом масле, а меня от этого мутило. Шея еще болела с тех пор, как они пытались заставить меня признаться, что я по крайней мере какой-нибудь свойственник герцога, раз въехал на герцогский паркинг, и порядочно наваяли мне за обманутые ожидания. С тех пор Италия перестала существовать для меня.

Австрия довольно мила, но я знаю ее как свои пять пальцев, а хотелось чего-нибудь новенького. Оставалась Швейцария. Я решил спросить кузена Тарантоги, какого он о ней мнения, но оказалось, что сделал глупость, затеяв с ним разговор; он, правда, заядлый путешественник, но вместе с тем антрополог-любитель, собирающий так называемые граффити по всем уборным на свете. Весь свой дом он превратил в их хранилище. Когда он заводит речь о том, что люди изображают на стенах клозетов, глаза у него загораются огнем вдохновения. Он утверждает, что только там человечество абсолютно искренне и на этих кафельных стенах виднеется наше «мане, текел, упарсин», а также *entia non sunt multiplicanda praeter necessitatem**. Он фотографирует эти надписи, увеличивает их, заливает плексиглазом и развешивает у себя на стенах; издали это напоминает мозаику, а вблизи у зрителя просто спирает дыхание. Под экзотическими надписями, вроде китайских или малайских, он помещает переводы. Я знал, что он пополнял свою коллекцию в Швейцарии, но мне это ничего не дало: он не заметил там никаких гор, зато обнаружил, что туалеты там моют с утра до вечера, уничтожая капитальные надписи; он даже подал памятную записку в *Kulturdezernat*** в Цюрихе, чтобы мыли раз в три дня, но с ним просто не стали разговаривать, а о том, чтобы пустить его в дамские туалеты, и речи не было, хотя у него имелась бумага из ЮНЕСКО — уж не знаю, как он ее раздобыл, — подтверждавшая научный характер его занятий. Кузен Тарантоги не верит ни во Фрей-

* не умножай сущности сверх необходимости (*лат.*).

** Управление по делам культуры (*нем.*).

да, ни во фрейдистов, потому что у Фрейда можно узнать, что думает тот, кому наяву или во сне чудятся башня, дубина, телеграфный столб, полено, передок телеги с дышлом, кол и так далее; но вся эта мудрость оказывается бесполезной, если кто-нибудь видит сны напрямую, без обиняков. Кузен Тарантоги питает личную антипатию к психоаналитикам, считает их идиотами и пожелал непременно объяснить мне почему. Он показывал жемчужины своего собрания, стишки на восьмидесяти, кажется, языках (он готовит богато иллюстрированную антологию, настоящий компендиум, с цветными вклейками); разумеется, он сделал и статистические расчеты, сколько чего появляется на квадратный километр или, может, на тысячу жителей, не помню уже. Он полиглот, хотя в довольно-таки узкой области; но и это чего-нибудь стоит, если учесть, какое здесь накоплено лексическое богатство. Он, впрочем, утверждает, что условия его труда ему претят; нужны хирургические перчатки, дезодорант с распылителем — а как же? — но ученый обязан преодолевать в себе произвольное отвращение, в противном случае энтомологи изучали бы одних только бабочек и божьих коровок, а о тараканах и вшах никто ничего бы не знал. Опасаясь, что я убегу, он держал меня за рукав и даже подталкивал в спину к наиболее красочным участкам стены; я не жалуясь, говорил он, но жизнь я себе выбрал нелегкую. Человек, который ходит в публичные писсуары, обвешанный фотоаппаратами и сменными объективами, волочит за собой штатив и заглядывает во все кабины по очереди, словно не может решиться — такой человек вызывает подозрение у туалетных служительниц,

особенно если отказывается оставить свой груз у них, а тащит его с собой в кабину; и даже щедрые чаевые не всегда оберегают от неприятностей. Особенно сильно — как красный платок на быка — действует на этих блюстителниц клозетной морали (он выражался о них довольно резко) сверкание фотовспышки из-за закрытых дверей. А при открытых дверях работать нельзя: это раздражает их еще больше. И странное дело: клиенты, что заходят туда, тоже глядят на него исподлобья, а порою взглядами дело не ограничивается, хотя среди них наверняка имеются авторы, от которых следовало бы ожидать хоть чуть-чуть благодарности за внимание. В автоматизированных отхожих местах этих проблем нет, но он обязан бывать везде, иначе собранный материал не будет статистически репрезентативным. К сожалению, он вынужден ограничиваться выборкой: изучение мировой совокупности отхожих мест превосходит человеческие силы, — не помню уж, сколько на свете клозетов, но он и это высчитал. Известно, чем и как там пишут, когда под рукой ничего нет, и каким образом некоторые особо изобретательные авторы помещают афоризмы, а то и рисунки под самым потолком, хотя по фарфору даже шимпанзе не заберется так высоко. Желая из вежливости поддержать разговор, я высказал предположение, что они носят с собой складные лестницы; такое невежество его возмутило. В конце концов я все же вырвался от него и ушел от погони (он что-то кричал мне вслед даже на лестнице); крайне рассерженный неудачей — ведь о Швейцарии я не узнал ничего, — я вернулся в гостиницу, и оказалось, что несколько особенно забористых приме-

ров, которые он мне декламировал, плотно застряли в моем мозгу; чем больше я силился их забыть, тем упорнее они лезли мне в голову. Впрочем, по-своему этот кузен был, возможно, и прав, указывая мне на большую надпись над своим рабочим столом: *Homo sum et nihil humani a me alienum puto**.

В конце концов я выбрал Швейцарию. Я давно лелеял в душе ее образ. Встаешь рано, в шлепанцах подходишь к окну, а там — альпийские луга, лиловые коровы с большими буквами «MILKA» на боках; под перезвон их буколических бубенцов идешь в столовую, где в тонком фарфоре дымится швейцарский шоколад, а швейцарский сыр услужливо сверкает росинками, потому что настоящий эмментальский всегда чуть-чуть потеет, особенно в дырочках; садишься, гренки хрустят, мед пахнет альпийскими травами, а блаженную тишину подчеркивает торжественное тиканье настенных швейцарских часов. Ты разворачиваешь свежую «Нойе Цюрхер Цайтунг» и видишь, правда, на первой полосе войны, бомбы, число убитых, но все это где-то там, далеко, словно в перевернутом бинокле, а вокруг тишина и спокойствие. Может, где-то и есть несчастья, но не здесь, в области минимального террористического давления; вот, пожалуйста, на всех страницах кантоны беседуют между собой приглушенным банковским диалектом, и ты откладываешь непрочитанную газету: ведь если все идет, как швейцарские часы, зачем читать? Неторопливо встаешь, одеваешься, напевая старую песенку, и отправляешься на прогулку в горы. Что за блаженство!

* Я человек, и ничто человеческое мне не чуждо (*лат.*).